

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 **Венец царицы Тамары ; Шумерская погребушка : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.**

ISBN 978-5-04-216554-2

«Венец царицы Тамары»

Многие люди хотели завладеть этим венцом, но он имел свою собственную волю. Венец предназначался для царицы Тамары, и его судьба была тесно связана с историей Грузии. Но охотники за ним нашлись и в наши дни...

Даша пряталась от дождя в телефонной будке, как вдруг зазвонил телефон. Незнакомец успел сказать, что ей срочно требуется куда-то поехать и кого-то предупредить, а потом из трубки послышался мучительный стон, и связь прервалась. Даша решила отправиться по продиктованному адресу, несмотря на загадочность и опасность происходящего...

«Шумерская погребушка»

Ксении сразу не понравилась ее потенциальная работодательница Изольда Михайловна: та, даже не проверив рекомендации няни, не поговорив с ней, сразу же отправила незнакомую девушку гулять с родным внуком. И через несколько минут Ксению грубо подставили, а ребенка украли прямо посреди бела дня... При этом подменили его погребушку на старинный предмет в виде головы быка. Как выяснилось, это священная реликвия шумеров. Без нее нельзя вызвать бога Энлиля, но для ритуала еще нужен наследник Шумерского царства...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216554-2

Венец царицы Тамары

Даша замахала водителю, но двери все равно закрылись, и маршрутка умчалась вдаль. И в этот самый момент начался дождь как из ведра. Даша, как мышь, метнулась через лужи и, за неимением другого укрытия, юркнула в телефонную будку.

Скрывшись от дождя, она перевела дыхание, отряхнула плащ, взъерошила волосы.

Надо же, в городе есть еще телефонные будки! Даша думала, что таксофоны остались в прошлом, вместе с ярко-красными автоматами для газированной воды и афишными тумбами, а тут — вот она, будка, и внутри висит новенький красный аппарат...

По стеклянным стенкам ползли водяные змеи, мимо проезжали машины, выбрасывая из-под колес снопы брызг, иногда пробегали одинокие пешеходы — мокрые, несчастные, растерянные, они боролись с непослушными, предательски выворачивающимися наизнанку зонтами.

Да уж, вот тебе и май месяц. Весна в Петербурге редко когда обходится без таких сюрпризов. Сейчас настоящая буря, а ведь еще и снег может пойти. Даша взглянула на часы. Ну, время у нее еще есть, Андрей не любит, когда она опаздывает. Сижу, говорит, как дурак, жду, официанты за спиной посмеиваются... Это, говорит, у вас, девочек, с детства такая установка, чтобы мальчиков непременно заставлять ждать, таким образом цену себе набиваете. Это, говорит, глупо очень.

8 Так что за все время их знакомства Даша опоздала-то всего, может быть, раза два, из-за транспорта, да еще начальник как-то задержал ее на полчаса. Вот тогда Андрей и высказал ей все, что думает. И не поссорились они тогда только потому, что Даша терпеть не может оправдываться. Это вроде как вину свою признать, хоть вины и нету, не на начальника же все сваливать.

Даша снова поглядела в окно будки, теперь вообще ничего не было видно из-за потоков воды.

И вдруг зазвонил телефон.

Ничего себе! Он еще и работает!

Даша удивленно смотрела на красный аппарат, а он звонил, звонил и звонил. И то ли из-за его упорства, то ли под влиянием неожиданного порыва она сняла трубку, поднесла к уху и проговорила чужим, хриплым голосом:

— Слушаю!

— Маруська, это ты? — прозвучал в трубке взволнованный, торопливый мужской голос.

— Да... — ответила она, окончательно растерявшись.

Дело в том, что друзья и знакомые еще с незапамятных школьных времен называли ее Марусей или Маруськой — из-за фамилии. Фамилия у нее подходящая — Марусина, Даша Марусина, очень удобно в кличку переделать.

Это еще ничего, говорила мама, когда Вовка Муравьев в детском саду впервые назвал ее Маруськой, вполне прилично, а вот была бы у тебя фамилия, к примеру, Крысюк. Или Выдрина, представляешь, какую бы кличку тебе дали?

Так и получилось, что по имени в школе никто ее и не звал. Маруся — и все. И она так привыкла, вот и ответила сейчас: «Да».

Но она уже ничего не понимала. Как это может быть — выходит, это ей, именно ей звонят в уличный

таксофон... но кто это? И как этот неизвестный узнал, что она здесь, что она прячется от дождя в этой будке? Да нет, бред какой-то...

— Слушай и запоминай! — торопливо проговорил голос в трубке. — Повторять некогда! Поедешь на Измайловский проспект, дом двенадцать, квартира сорок. Скажешь, что ты из «Катафракта»...

— Чего? — переспросила Даша, услышав незнакомое, непривычно звучащее слово.

— Из «Катафракта»! — недовольно повторил мужчина. — Не перепутай, иначе тебя не впустят! Как спросят в домофон — так и отвечай! Ничего не передавай, пока их не увидишь! Только в квартире скажи, что Орбелиани в городе! Они начали действовать, так что нужно все сворачивать и срочно уходить!

Вдруг голос в трубке изменился, в нем прозвучало удивление и даже испуг:

— Как вы сюда попали? Кто вас пустил? Вы с ума сошли! Да что вы... да что...

Голос оборвался, словно захлебнувшись, и перешел в хриплый, мучительный стон. Потом раздался надсадный хрип, и наступило безнадежное молчание.

А потом послышался другой голос — более далекий, но отчетливо слышный:

— Ну что ты сделал? Зачем ты его?.. Он бы нам еще пригодился! Он много знал!

Затем этот голос стал громче — должно быть, человек взял телефонную трубку и произнес в нее:

— Кто здесь?

Тут Даша, которая до этого стояла, не двигаясь и даже не дыша, как будто превратилась в соляной столп, сбросила оцепенение и швырнула трубку на рычаг.

И тут же выскочила под дождь — слишком страшно ей было оставаться в этой будке! В ее ушах

10 все еще звучали мучительный стон, и хрип, и второй голос — холодный, безжалостный, равнодушный. Ей казалось, что обладатель этого голоса может дотянуться до нее через телефонный провод, может схватить ее за горло...

К счастью, проливной дождь уже закончился, на лужи еще падали отдельные капли, но и они скоро прекратились, хотя небо и было затянуто тучами, но не свинцовыми, а самыми обычными, серыми, которых в Петербурге никто не боится. Дело привычное.

Даша шла по улице, не разбирая дороги, пытаясь осознать, что только что произошло.

Вообще говоря, поверить в это было просто невозможно.

Сначала ей позвонил какой-то неизвестный человек — позвонил в телефонную будку, где она пряталась от дождя... Потом... потом этот человек говорил странные вещи. Просил ее куда-то пойти, что-то там передать, твердил, что это очень важно...

Она все это посчитала бы бредом сумасшедшего, если бы не явственный страх в его голосе, а потом этот мучительный стон и грубый голос, который утверждал, что этот человек им был нужен. Что это значит, что его убили?

Какой-то фильм ужасов получается. Или скорее малобюджетный боевик. Но этот стон...

Даша не могла ошибиться, у нее мало того, что слух абсолютный, так еще она может отличить все особенности интонации и определить фальшь. Этому человеку и правда было больно, плохо и страшно. Такое редко кто может сыграть.

Значит... значит, его убили?

От этой мысли Даша остановилась на месте, и на нее тут же налетел какой-то тип с картонной коробкой на плече. Обозвав ее неприличным словом, тип пошел дальше, и Даша с необъяснимым удовлетво-

рением увидела, что коробка вся размокла и вскоре то, что там лежит, вывалится на асфальт. 11

И тут она вспомнила, что ее ждет Андрей, и все посторонние мысли тут же выветрились у нее из головы. Оставшиеся несколько кварталов она почти бежала и едва успела перевести дух перед входом в кафе.

Кафе было несетевое, довольно приличное, для студентов дороговато, так что она очень удивилась, когда увидела почти полный зал. Ну да, дождь, конечно, загнал всех в помещение.

— У вас заказано? — надменно спросила у нее неправдоподобно высокая девица-хостес, так что Даше при ее среднем росте пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ей в лицо.

Лицо это слишком явно выражало отношение девицы к Дашиному мятому плащу и отчетливым мокрым следам, оставляемым ею на плитках пола.

Какого черта? Тоже мне, королева нашлась, можно подумать, что ее привозят на работу на машине с водителем! Была бы богата — не стояла бы при входе вместо швейцара!

Даша была от природы девушка сдержанная, неконфликтная, но жизнь, особенно в последнее время, научила ее, что если не постоять за себя, то тебя втопчут в грязь запросто. Поэтому она сощурилась и посмотрела на девицу очень выразительно, а потом, опустив глаза, хмыкнула, поскольку девица была мало того, что гренадерского роста, так еще и на невероятно высоких каблуках, причем размер туфель не меньше сорокового.

— Нет, не заказано, — сказала Даша холодно, — но меня...

Тут она оглядела зал из-за плеча этой дылды и не нашла в обозримом пространстве Андрея. И девица скривила губы насмешливо.

12 — Ну, тогда я подожду! — улыбнулась Даша. — А если у вас нет мест, то табличку повесьте на дверь!

Это был бы уже перебор, так что девица пропустила Дашу в зал и ретировалась, усадив ее в самом неудобном углу.

Даша взглянула на часы, было десять минут восьмого, а договаривались они на семь. Что ж, она не станет выговаривать Андрею за опоздание, чтобы не раздражать его сразу.

Подошла официантка и положила перед ней меню.

— Кофе пока, — сказала Даша, — и погорячее, — ее и правда слегка зазнобило после прогулки под дождем.

Минуты текли, вот уже и кофе принесли, а Андрей не появлялся. Наконец Даша позвонила ему сама.

— Ты где?

— Дашутка? — закричал он, и она сразу поняла, что что-то не так.

Как уже говорилось, способности у нее были такие — различать фальшь в голосе.

— Извини, дорогая, сегодня никак не смогу! — кричал Андрей. — Тюкнулся тут с одним на перекрестке, сейчас гаишников жду! Должны приехать с минуты на минуту!

— Сильно? — спросила Даша.

— Что — сильно? — не понял он.

— Тюкнулся сильно? Ты не ранен? В больницу надо?

— А? Да нет, все нормально. Просто машину побил. Так что сегодня никак не получится, сама знаешь, как долго гаишники на место аварии выезжают!

«Понятия не имею», — подумала Даша, но в трубке уже пикало.

Вот так вот. Он не придет, потому что попал в аварию. А в прошлый раз его задержали на работе.

А до этого было что-то еще. Нет, кажется, на какую-то тусовку они ходили вместе, но Андрей был невнимателен и отвез ее домой пораньше. К себе не пригласил, а она не стала навязываться. Еще не хватало.

Так. Ну не полная же она дура и понимает, что к чему. Она прекрасно знает, что мужчины терпеть не могут выяснять отношения, это мама неустанно повторяла сначала им с Анькой, а потом только ей, потому что Анька стала совершенно невозможной и никого не желала слушать. Мужик всегда хочет оставить себе запасной аэродром, говорила мама, поэтому не станет рвать отношения до конца. И боится слез и скандалов, так что самой нужно вовремя понять, что к чему.

Да что тут понимать-то? И так все ясно. Либо он другую нашел, либо Даша ему просто надоела. И мама совершенно права: ни за что прямо не скажет, будет юлить, придумывать разные причины.

Да вот хоть сегодня: ну позвонил бы заранее, так нет же, ему нужно, чтобы она сидела в кафе и ждала его как полная идиотка! В аварию он попал, как же! Забыл, что она на слух может отличить, из помещения человек звонит или с улицы? В данном случае звонил он явно из какого-нибудь клуба. Шума машин не слышно, сирены не гудят, трамваи не звенят, а слышны далекая музыка и женские смешки. Еще и позорит ее перед этими швабрами!

Хотела по-человечески с ним поговорить, и если не выяснит все до конца, то хотя бы самой понять, откуда ветер дует. Ну ладно, теперь и так все поняла.

Все-таки свинья он порядочная, ведь почти год знакомы, мог бы и по-хорошему с ней проститься, знает, что она скандалить не будет, не тот у нее характер.

— Есть что-нибудь будете? — спросила официантка.

14 — Буду! — неожиданно для себя сказала Даша, осознав, что с утра ничего не ела. В обед шеф привязался к какому-то отчету, так что она только чаю выпила с сухарем, что нашла у себя в столе. Думала, что тут, в кафе, поужинают с Андреем...

Она заказала салат и запеченную рыбу. Принесли все быстро, но в салате явно не хватало соуса, а рыба была суховата. Или уж просто у Даши было сегодня такое плохое настроение.

А с чего радоваться? Жизнь если не беспросветна, то и не сияет перед ней всеми цветами радуги.

Она тут же усмехнулась про себя: это от плохой погоды. И из-за Андрея. Что ж, видно придется выбросить его из своей жизни, как выражаются в мыльных сериалах. Слава богу, они не работают вместе. Нет у них общих друзей — так, знакомые просто, так что вероятность столкнуться в компании ничтожно мала.

Внести его номер в черный список, да и забыть... Так все же лучше, чем униженно слать эсэмэски и забрасывать имейлами. Даша прислушалась к себе: жалко ей с ним расставаться или нет? Получалось, что не жалко. Особой любви между ними никогда не было, встречались, ходили куда-нибудь вместе, изредка секс — необременительный и ни к чему не обязывающий. Обидно, конечно, но, может, и к лучшему все...

Тут в голове всплыл странный телефонный разговор.

Как сказал тот мужчина? Срочно ехать на Измайловский проспект и передать тем людям, что... что все плохо и им нужно немедленно уходить. Но никто им этого не скажет, потому что даже если ее собеседник останется жив, он-то будет думать, что успел их вовремя предупредить. Он-то думал, что звонит своей знакомой Марусе, и она все сделает. А она и понятия не имеет, что...

— Десерт будете? — спросила официантка, убирая тарелки. 15

— Буду! — машинально согласилась Даша, напряженно размышляя.

По всему выходило, что ей нужно ехать на Измайловский проспект. Причем прямо сейчас.

Глупо, конечно, но что такого случится, если она туда съездит? Все равно делать нечего целый вечер, свидание-то обломалось... И Анька снова будет орать и ругаться, если она явится домой слишком рано: договорились же, что будем давать друг другу свободу хотя бы раз в неделю! Не могу же я привести в дом человека, когда ты за стенкой!

Ага, а Даше, значит, на вокзале ночевать, что ли? Да и нет у Аньки никого, как разбежалась со своим хахалем из Комитета по историческому наследию, так и сидит одна вечерами дома. И нечего гундеть, что она, Даша, мешает ее личной жизни.

Сама Даша, кстати, Андрея к себе домой приглашала только пару раз, когда Анька в отпуск уезжала. Правда, неудобно все-таки, когда сестра за стенкой.

После десерта, который оказался неожиданно вкусным, Даша окончательно решила, что поедет на Измайловский. Ну, даже если бортанут ее там, она скажет, что адресом ошиблась.

Она посмотрела карту в телефоне и поняла, что удобнее всего ехать на метро до Техноложки, а там пешком дойти.

Пока Даша ехала в метро, погода резко переменилась, как это часто бывает весной в Северной столице. Дождь кончился, облака разошлись, и на бледно-голубом весеннем небе сияло солнце, хоть и близился закат. Надо же, девятый час, а солнце всю светит. Скоро вообще белые ночи настанут.

Выйдя из метро, Даша перешла улицу, свернула на Измайловский проспект.

16 Двенадцатый дом оказался массивным серым каменным зданием дореволюционной постройки с полукруглыми окнами и фантастическими лепными фигурами на фасаде.

Солнце уже клонилось к горизонту, как вдруг яркий луч сверкнул между домами, упал на серую мостовую, на припаркованную рядом с подъездом темную машину, и она вспыхнула ярким бирюзовым отсветом, как надкрылья майского жука...

Даша подошла к подъезду, перевела дыхание.

В голове у нее мелькнула запоздалая мысль: «Что я здесь делаю? Зачем вмешиваюсь в чужие дела? Зачем мне чужие неприятности — своих, что ли, недостаточно?»

Но она вспомнила взволнованный, умоляющий голос незнакомца, вспомнила хриплый стон в телефонной трубке и, отбросив сомнения, нажала на домофоне четверку и ноль.

Что ей велели сказать? Какое-то странное слово...

Ну да, нужно сказать, что она из которфакта... или нет, катофракта... иначе ей не откроют...

Но она ничего не успела сказать, потому что домофон щелкнул, и дверь открылась. Никто ничего не спросил, вот просто открыли — и все. Это было странно.

Настороженная, испуганная, Даша вошла в подъезд.

Она оказалась в просторном полутемном холле. Пол его был выложен хорошо сохранившейся старинной плиткой, в глубине его виднелся самый настоящий камин, в котором валялись старая скомканная газета и пластиковый стаканчик от кофе. Три мраморные ступени вели к лифту — тоже старинному, дореволюционному, с открытой решетчатой шахтой и маленькой, тесной кабинкой, в которую могли втиснуться не больше двух человек.

В холле стояла странная, напряженная тишина.

Даше вдруг сделалось страшно, как никогда в жизни. 17

Она хотела уже бросить все, выйти на улицу, к свету, к живым людям...

Но она снова вспомнила хриплый, взволнованный голос в трубке — и пошла вперед.

Ехать в лифте побоялась, ей было страшно самой идти в ловушку, в клетку кабины, похожую на огромную железную мышеловку, и она начала подниматься по лестнице.

Она ступала медленно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Из-за одной двери доносились фальшивые телевизионные голоса, из-за другой — шум работающего пылесоса.

Сороковая квартира была на верхнем, пятом этаже. Даша поднялась уже до четвертого, когда наверху над ней скрипнула открывающаяся дверь, и раздались приглушенные, неразборчивые голоса и странные звуки, как будто там тащили что-то тяжелое.

Даша остановилась, прижалась к стене. Сердце ее колотилось в груди, во рту пересохло от страха.

Загрел лифт, и мимо с надсадным скрежетом поползла поднимающаяся кабина.

Наверху снова раздался шум — что-то заносили в лифт, потом послышались голоса, теперь Даша смогла разобрать слова:

— Все мы в лифт не поместимся, ты поезжай с ней, а мы спустимся по лестнице...

— А она не очнется?

— Да какое там, ей такую дозу вкатили...

— А с тем что делать?

— Да ничего! Оставим все как есть! Когда еще его найдут!

Громко хлопнула дверь лифта, и кабина снова поползла, на этот раз вниз.

Послышались быстрые спускающиеся шаги.

18 Даша испугалась больше прежнего. Наверху произошло что-то ужасное, она не сомневалась, что это было в той самой сороковой квартире, куда она шла, и что это связано с тем странным звонком.

Сейчас те люди, которые вышли из квартиры, спустятся на этаж и увидят ее...

И поймут, что она что-то знает... Ведь она же позвонила в домофон, и они поймут, что она идет в сороковую квартиру.

Она метнулась к одной из квартирных дверей четвертого этажа, нажала на кнопку дверного звонка...

За дверью почти сразу раздались шаркающие шаги, и старческий голос проговорил:

— Вера? Это ты? Ты что-то сегодня рано! Я тебя раньше девяти не ждала...

Даша ответила каким-то неопределенным возгласом.

За спиной у нее раздались торопливые шаги — это спустились люди с пятого этажа. Даша замерла, не сводя глаз с двери, и спиной почувствовала чей-то подозрительный, настороженный взгляд — но в это самое мгновение дверь открылась.

На пороге стояла толстая приземистая старуха, очень похожая на раскормленную жабу.

Даша торопливо протиснулась в прихожую — полутемную, захламленную до последней степени, мельком покосившись на лестничную площадку и успев разглядеть там силуэты двух мужчин, которые, на мгновение задержавшись, рванули вниз по лестнице. Даша облегченно вздохнула.

— Ты не Вера! — строго проквакала старуха. — Кто ты такая? Я тебя не знаю!

— Я из собеса, — ляпнула Даша первое, что пришло в голову. — Из районного...

— Вместо Веры? — оживилась старуха.